Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 122.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):122.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 343.98
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_122

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА В КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

КАМИНСКИЙ Александр Алексеевич
Аспирант юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена исследованию цифровых следов коммерческого подкупа в корпоративной среде в условиях цифровизации хозяйственной деятельности. Обосновано, что современный коммерческий подкуп оставляет доказательственно значимую информацию не только в традиционных материальных и документальных источниках, но и в корпоративной электронной почте, мессенджерах, системах электронного документооборота, банковских приложениях, журналах событий, облачных хранилищах, мобильных устройствах и, в отдельных случаях, в инфраструктуре обращения цифровой валюты. Предлагается криминалистическая классификация цифровых следов коммерческого подкупа по их источнику и доказательственной функции, а также анализируются особенности их выявления, фиксации, изъятия и интерпретации с учетом требований уголовно-процессуального закона и необходимости использования специальных знаний. Сделан вывод, что цифровые следы следует рассматривать как системообразующий элемент современной следовой картины коммерческого подкупа.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, цифровые следы, корпоративная среда, криминалистическая характеристика, электронные доказательства, цифровая криминалистика, специальные знания, антикоррупционный комплаенс

Для цитирования: Каминский А.А. Цифровые следы коммерческого подкупа в корпоративной среде: криминалистическая классификация и доказательственное значение // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 122. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_122

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space
Original article

DIGITAL TRACES OF COMMERCIAL BRIBERY IN THE CORPORATE ENVIRONMENT: FORENSIC CLASSIFICATION AND EVIDENTIARY SIGNIFICANCE

KAMINSKY Aleksander Alekseevich
Postgraduate Student of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, Building 1, Russian Federation

Abstract: This article examines the digital traces of commercial bribery in the corporate environment amid the digitalization of economic activity. It is argued that modern commercial bribery leaves evidentiary information not only in traditional physical and documentary sources, but also in corporate email, instant messaging, electronic document management systems, banking applications, event logs, cloud storage, mobile devices, and, in some cases, in digital currency infrastructure. A forensic classification of digital traces of commercial bribery is proposed based on their source and evidentiary function, and the specifics of their detection, recording, seizure, and interpretation are analyzed, taking into account the requirements of criminal procedure law and the need for specialized knowledge. It is concluded that digital traces should be considered a systemically important element of the modern trace picture of commercial bribery.

Keywords: commercial bribery, digital traces, corporate environment, forensic characteristics, electronic evidence, digital forensics, special knowledge, anti-corruption compliance

For citation: Kaminsky A.A. Digital Traces of Commercial Bribery in the Corporate Environment: Forensic Classification and Evidentiary Significance = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):122. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_122

© Каминский А.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Коммерческий подкуп, предусмотренный ст. 204 УК РФ, представляет собой самостоятельное коррупционное преступление против интересов службы в коммерческих и иных организациях [1]. В современных условиях его криминалистическая специфика все в большей степени определяется не только фактом передачи имущественной выгоды, но и изменением среды совершения преступления. Корпоративная деятельность сегодня осуществляется через электронную почту, мессенджеры, системы электронного документооборота, дистанционные банковские сервисы, облачные хранилища, платформы удаленного взаимодействия и иные цифровые инструменты. Следовательно, и следовая картина коммерческого подкупа все чаще смещается в сферу цифровых отражений преступной деятельности.

В научной литературе вопрос о цифровых следах рассматривается как один из ключевых для современной криминалистики. Е.П. Ищенко, обращаясь к истокам цифровой криминалистики, обоснованно подчеркивает, что цифровизация меняет не только технический инструментарий расследования, но и сам объект криминалистического познания [2]. Е.Р. Россинская связывает исследование цифровых следов с развитием частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности и с возрастанием роли специальных знаний [3]. В свою очередь, М.И. Воронин [4] и В.В. Платонов [5] справедливо указывают на необходимость четкого разграничения цифровой информации, электронных доказательств и процессуальных способов их использования в уголовном судопроизводстве. Эти положения имеют непосредственное значение и для расследования коммерческого подкупа, где цифровая информация редко выступает в изолированном виде и, как правило, должна оцениваться в системе иных доказательств.

Представляется, что применительно к коммерческому подкупу цифровые следы следует рассматривать не просто как разновидность электронных данных, а как особую форму отражения подготовки, совершения, маскировки и сокрытия преступления в корпоративной цифровой среде. При этом их криминалистическое значение обусловлено тем, что коммерческий подкуп нередко реализуется под видом обычных управленческих и хозяйственных процедур: согласования договора, выбора контрагента, подписания акта, перечисления денежных средств, обмена служебной перепиской, передачи реквизитов, оформления доступа к сведениям ограниченного характера. Следовательно, цифровой след позволяет установить не только факт контакта между участниками, но и связь этого контакта с управленческим решением, имущественной выгодой и конкретным этапом хозяйственной операции.

Вопрос о понятии цифрового следа в криминалистике остается дискуссионным. Одни авторы связывают его прежде всего с электронно-цифровой средой фиксации информации, другие – с более широким понятием цифровой информации, имеющей доказательственное значение. В.Ю. Иванов, развивая теорию электронно-цифровых следов, указывает на необходимость их самостоятельного осмысления и воспроизведения данного определения, понятного широкому кругу лиц [6]. В связи с этим представляется обоснованным использовать применительно к коммерческому подкупу расширительное понимание цифрового следа как информации, возникшей в цифровой среде и отражающей криминалистически значимые обстоятельства подготовки, совершения, сокрытия или последствий преступления.

С криминалистической точки зрения цифровые следы коммерческого подкупа занимают особое место в структуре следовой картины, поскольку данный вид преступления зачастую совершается в условиях управленческой, договорной и коммуникационной закрытости. Внешне противоправное поведение может быть встроено в обычный деловой процесс, а потому непосредственные материальные следы либо отсутствуют, либо не являются решающими. Напротив, цифровые отражения – переписка, временные метки, версии файлов, история согласований, журналы действий пользователей, банковские операции, данные облачной синхронизации – способны показать скрытую связь между имущественной выгодой и служебным поведением лица, выполняющего управленческие функции в организации. Тем самым цифровые следы позволяют реконструировать механизм коммерческого подкупа не фрагментарно, а системно.

По нашему мнению, цифровые следы коммерческого подкупа обладают тремя основными криминалистическими свойствами. Во-первых, они возникают на разных этапах преступного механизма – от предварительной договоренности до сокрытия противоправной связи. Во-вторых, они носят распределенный характер, поскольку обычно содержатся не в одном устройстве, а одновременно в корпоративной почте, мессенджере, учетной записи, банковском приложении, внутренней системе согласования и облачном хранилище. В-третьих, они подвержены быстрому

изменению, удалению, перезаписи либо переносу в иные цифровые контуры, что требует оперативного выявления и процессуально корректной фиксации. Именно поэтому цифровые следы не могут исследоваться по делам о коммерческом подкупе как второстепенный материал; напротив, они должны включаться в предмет доказывания и в план расследования уже на первоначальном этапе.

Для расследования коммерческого подкупа цифровые следы целесообразно классифицировать не только по техническому носителю, но и по их доказательственной функции. Такой подход позволяет увязать вид цифрового следа с конкретным обстоятельством, подлежащим установлению.

Прежде всего следует выделять коммуникационные цифровые следы. К ним относятся сообщения корпоративной электронной почты, переписка в мессенджерах, история звонков и видеосвязи, передача вложений, фотографий документов, платежных реквизитов, скриншотов и иных цифровых объектов. Их значение заключается в том, что они могут отражать предварительную договоренность, обсуждение размера и формы имущественной выгоды, вовлечение посредника, распределение ролей и способы конспирации. В условиях корпоративной среды именно коммуникационные следы нередко фиксируют ту часть преступной связи, которая не находит отражения в официальной документации организации.

Вторую группу образуют документарные цифровые следы и метаданные. Речь идет о следах, содержащихся в системах электронного документооборота, офисных файлах, внутренних сервисах согласования, учетных записях пользователей, истории редактирования документов, версиях файлов и сопутствующих метаданных. В делах о коммерческом подкупе они имеют особое значение, поскольку позволяют установить, кем создавался и редактировался документ, кто инициировал его ускоренное согласование, в какой момент изменялись существенные условия договора, каким образом формировалась окончательная редакция акта либо заявки. Тем самым документарные цифровые следы и метаданные связывают преступную договоренность с управленческим действием, ради которого передавалось незаконное вознаграждение.

Третью группу составляют транзакционные цифровые следы. Они возникают в системах дистанционного банковского обслуживания, мобильного банкинга, электронных кошельках, внутренних бухгалтерских и платежных сервисах, а в определенных случаях – в инфраструктуре цифровой валюты. Их доказательственная функция состоит в отражении движения имущественной выгоды: перечисления денежных средств, дробления суммы, проведения платежей через третьих лиц, использования номинальных получателей либо, напротив, попытки скрыть экономическую природу перевода под видом обычной хозяйственной операции. Необходимо учитывать, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ допускают окончание соответствующего коррупционного преступления и в случае зачисления средств с согласия получателя на указанный им счет либо электронное средство расчетов [7]. Следовательно, цифровой путь передачи имущественной выгоды уже встроен в современное судебное толкование коррупционных составов.

Четвертую группу образуют системно-технические цифровые следы: журналы событий, лог-файлы, данные о входе в корпоративные системы, подключении внешних носителей, скачивании файлов, изменении прав доступа, удалении информации, синхронизации устройств. На первый взгляд эти сведения могут восприниматься как исключительно технические, однако именно они позволяют установить, какие действия реально совершал пользователь в определенный период времени. В делах о коммерческом подкупе такие следы способны подтверждать факт доступа к закупочной документации, выгрузки конфиденциальных файлов, передачи закрытых сведений контрагенту, удаления переписки после перечисления денежных средств либо иных действий, указывающих на скрытую заинтересованность управленца.

Самостоятельного выделения заслуживают облачные и резервные цифровые следы. Корпоративная деятельность все чаще опирается на облачные сервисы, резервное копирование, синхронизацию мобильных устройств и удаленный доступ к документам. Это означает, что даже при удалении информации с локального устройства она может сохраняться в истории версий, резервной копии, облачной учетной записи либо журнале синхронизации. Поэтому применительно к коммерческому подкупу корпоративная цифровая среда должна рассматриваться как распределенная система хранения следовой информации, а не как совокупность отдельных компьютеров и телефонов.

Наконец, в современных условиях необходимо выделять криптовалютные цифровые следы. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ внес изменения в уголовное и уголовно-процессуальное

законодательство, а УПК РФ был дополнен ст. 164.2, регламентирующей особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий [8]. Из содержания этой нормы следует, что процессуально значимыми признаются вид цифровой валюты, ее количество, адреса-идентификаторы отправителя и получателя, а также иные данные, необходимые для идентификации операции. Следовательно, при использовании цифровой валюты как формы передачи имущественной выгоды цифровые следы обретают не факультативное, а центральное доказательственное значение.

Таким образом, цифровые следы коммерческого подкупа образуют сложную и внутренне связанную систему. Их классификация по источнику и доказательственной функции позволяет установить, какие именно цифровые данные указывают на договоренность, какие – на управленческое действие, какие – на передачу имущественной выгоды, а какие – на последующее сокрытие преступления.

Использование цифровых следов в уголовном судопроизводстве предполагает соблюдение специальных процессуальных требований. Статья 164.1 УПК РФ прямо предусматривает, что электронные носители информации изымаются в ходе следственных действий с участием специалиста; по ходатайству законного владельца изымаемых носителей либо обладателя содержащейся на них информации с них может быть осуществлено копирование, а в протоколе должны быть указаны примененные технические средства, порядок их использования и результаты [9]. Эти правила имеют принципиальное значение для расследования коммерческого подкупа, поскольку корпоративные устройства и учетные записи содержат не только доказательственно значимые сведения, но и значительный массив посторонней информации. Следовательно, процессуальная корректность изъятия и копирования данных непосредственно влияет на допустимость и проверяемость полученных результатов.

Из этого вытекает несколько тактических выводов. Во-первых, выявление цифровых следов по делам о коммерческом подкупе должно быть ориентировано не только на поиск устройств, но и на установление цифрового контура конкретной хозяйственной ситуации: какими средствами связи пользовались участники, в каких системах проходило согласование, где хранились версии файлов, через какие приложения осуществлялись переводы, имелась ли синхронизация с облачными сервисами. Во-вторых, приоритетное значение приобретает раннее привлечение специалиста, поскольку именно он способен обеспечить корректное копирование данных, сохранение метаданных и минимизацию риска изменения следовой информации. В-третьих, цифровые следы должны исследоваться не изолированно, а в привязке к конкретной следственной версии: передача выгоды за заключение договора, ускорение приемки, выбор аффилированного контрагента, предоставление внутренней информации и т. д.

Одной из центральных проблем является доказательственная природа цифрового следа. В доктрине справедливо отмечается, что электронные и цифровые данные не должны механически отождествляться с доказательством; они приобретают доказательственное значение лишь после процессуального собирания, проверки и оценки [4, 5]. Эта позиция имеет особое значение для дел о коммерческом подкупе, где любой отдельный цифровой фрагмент – письмо, перевод, лог входа в систему, сообщение в чате – редко доказывает преступление сам по себе. Его значение возникает в системе связей: с содержанием служебных полномочий получателя, с хозяйственным решением, с движением денежных средств, с аффилированностью контрагента, с временной последовательностью действий.

Именно поэтому цифровые следы коммерческого подкупа целесообразно оценивать по меньшей мере в четырех взаимосвязанных плоскостях. Первая – содержательная, когда анализируется само сообщение, документ, транзакция или техническая запись. Вторая – временная, позволяющая установить последовательность действий и корреляцию между получением выгоды и управленческим решением. Третья – функциональная, выявляющая, какое место конкретный цифровой след занимает в механизме преступления: подтверждает договоренность, передачу, сокрытие, посредничество или маскировку. Четвертая – контекстуальная, связывающая цифровой след с корпоративной процедурой, экономическим смыслом сделки и служебным статусом лица. Без такой многоплановой интерпретации цифровые следы рискуют либо быть переоценены, либо, напротив, утратить свою доказательственную силу.

Цифровой след не заменяет иные доказательства, а выступает связующим звеном между ними. Например, переписка в мессенджере может подтверждать наличие договоренности, но лишь в сочетании с банковским переводом, последующим подписанием акта, редактированием договора и поведением участников она начинает указывать на коммерческий подкуп. Аналогично лог входа

в систему сам по себе не доказывает передачу выгоды, однако в совокупности с выгрузкой закрытого файла, пересылкой его контрагенту и последующим получением денежных средств способен приобрести существенное доказательственное значение. Следовательно, сила цифровых следов по данной категории дел заключается прежде всего в их интегративной функции.

Применительно к коммерческому подкупу корпоративная среда выступает не только местом формирования цифровых следов, но и пространством их раннего обнаружения. Федеральный закон «О противодействии коррупции» возлагает на организации обязанность принимать меры по предупреждению коррупции, а методические рекомендации Минтруда России ориентируют их на формирование стандартов и процедур, направленных на профилактику коррупционных рисков [10,11]. В условиях цифровизации это означает, что организация должна не только формально провозглашать антикоррупционные запреты, но и обеспечивать управляемость цифровой среды: хранение логов, контроль доступа, фиксацию изменений документов, регламентацию корпоративных каналов связи, проверку аномальных операций, сохранность информации при проведении внутренних проверок.

По нашему мнению, именно здесь проявляется прикладная связь комплаенса и криминалистики. Комплаенс в коммерческой организации может выполнять не только профилактическую, но и следосохраняющую функцию. Он создает условия, при которых ранние цифровые признаки коррупционного поведения не исчезают бесследно, а поддаются фиксации и последующему анализу. Речь идет о журналах событий, системах мониторинга корпоративной переписки, данных о согласовании сделок, истории обращений к конфиденциальной информации, внутренней проверке аффилированности контрагентов и иных цифровых индикаторах, которые впоследствии способны приобрести доказательственное значение. Следовательно, антикоррупционный комплаенс в цифровой корпоративной среде следует рассматривать как один из элементов криминалистической профилактики коммерческого подкупа.

Заключение

Современный коммерческий подкуп все больше оставляет следы не только в традиционных материальных объектах и документах, но и в цифровой корпоративной среде. Именно поэтому цифровые следы должны рассматриваться как системообразующий элемент современной следовой картины данного преступления. Их криминалистическое значение состоит в том, что они способны отразить предварительную договоренность, содержание коммуникации, маршруты движения имущественной выгоды, участие посредников, изменение служебных документов, сокрытие данных и иные элементы преступного механизма.

Представляется обоснованным подразделять цифровые следы коммерческого подкупа на коммуникационные, документарные цифровые следы и метаданные, транзакционные, системно-технические, облачные и криптовалютные. Такая классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет увязать вид следа с подлежащими установлению обстоятельствами и с конкретной следственной версией. Вместе с тем доказательственная сила цифровых следов раскрывается лишь при соблюдении требований уголовно-процессуального закона, при участии специалиста и при обязательном сопоставлении цифровой информации с документальными, финансовыми и иными данными о хозяйственной ситуации.

Тем самым цифровые следы в делах о коммерческом подкупе не следует понимать как автономный технический феномен. Они представляют собой часть более широкой системы криминалистически значимой информации, формирующейся в цифровой корпоративной среде и требующей комплексного исследования. Именно в этом, по нашему мнению, заключается одно из ключевых направлений дальнейшего развития криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения коммерческого подкупа.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справ.-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Ищенко Е.П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 15–28 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/730.

3. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 31–44 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/780.

4. Воронин М.И. О правовой природе электронных (цифровых) доказательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 74–81 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1243.

5. Платонов В.В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 8 [Электронный ресурс]. URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/5359.

6. Иванов В.Ю. О теоретических аспектах использования в криминалистике понятия электронно-цифрового следа // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 75–80 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-teoreticheskih-aspektah-ispolzovaniya-v-kriminalistike-ponyatiya-elektronno-tsifrovogo-sleda.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

8. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527055/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100019.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

10. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции [Электронный ресурс]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0.

11. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Sprav.-pravovaya sistema Konsul`tantPlyus [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Ishhenko E.P. U istokov cifrovoj kriminalistiki // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 3 (55). S. 15–28 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/730.

3. Rossinskaya E.R. Problemy` ispol`zovaniya special`ny`x znanij v sudebnom issledovanii komp`yuterny`x prestuplenij v usloviyax cifrovizacii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 5 (57). S. 31–44 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/780.

4. Voronin M.I. O pravovoj prirode e`lektronny`x (cifrovy`x) dokazatel`stv // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 10. S. 74–81 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1243.

5. Platonov V.V. Obespechenie dopustimosti e`lektronny`x dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2025. T. 20. № 8 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/5359.

6. Ivanov V.Yu. O teoreticheskix aspektax ispol`zovaniya v kriminalistike ponyatiya e`lektronno-cifrovogo sleda // Yuridicheskie issledovaniya. 2020. № 7. S. 75–80 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-teoreticheskih-aspektah-ispolzovaniya-v-kriminalistike-ponyatiya-elektronno-tsifrovogo-sleda.

7. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.07.2013 № 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob iny`x korrupcionny`x prestupleniyax» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

8. Federal`ny`j zakon ot 20.02.2026 № 38-FZ «O vnesenii izmenenij v stat`yu 104.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527055/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100019.

9. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

10. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke i prinyatiyu organizaciyami mer po preduprezhdeniyu i protivodejstviyu korrupcii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0.

11. Federal`ny`j zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

Статья поступила в редакцию 01.06.26;
одобрена после рецензирования 17.06.26;
принята к публикации 17.06.26.

The article was submitted 01.06.26;
approved after reviewing 17.06.26;
accepted for publication 17.06.26.